

ПРОБЛЕМА РУСИФИКАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Н.В. Карташева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; natkartasheva@gmail.com*

Аннотация: Во второй половине XIX в. в Российской империи активно развивался процесс нациестроительства. Важной частью этого процесса были различные формы ассимиляции этнических меньшинств, определяемые понятием «русификация». Это понятие весьма неоднозначно трактуется в современных социокультурных и исторических исследованиях. В качестве конструктивного выхода из сложившейся ситуации предлагается проводить ситуационный анализ процесса русификации, конкретизирующий условия и акторов межкультурного взаимодействия [Миллер, 2010]. В статье рассматривается отношение видных представителей Забайкальской и Алтайской миссии к русификаторским аспектам христианизации. Особое внимание уделяется позиции забайкальского миссионера Вениамина (Благонравова), считавшего «обрусение» необходимым условием успешности проповеди христианства. В отличие от западных окраин империи, где процесс русификации получил отчетливое политико-правовое выражение, в Сибири русификация в большинстве случаев происходила как стихийный процесс, осуществляющийся в ходе взаимодействия коренного населения с различными социальными группами русских (крестьянами, промысловиками, чиновниками, ссыльными). Одними из значимых проводников русского языка и культуры в регионе были миссионеры. При этом условия взаимодействия миссионеров и коренного населения отличались в разных сибирских областях. В статье отмечены разногласия в понимании миссионерами необходимости русификации в процессе христианизации местного населения, отмечены факторы, влияющие на трактовку задач и методов миссионерской деятельности, в частности, специфика локальной культурной ситуации, степень социальной организации автохтонного населения и особенности его традиционных верований.

Ключевые слова: русификация; православная миссия; Российская империя; нациестроительство; Вениамин (Благонравов); церковная периодика

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-172-183

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Карташева Н.В. Проблема русификации коренных народов Сибири в православной миссионерской публицистике второй половины XIX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 172–183.

RUSSIFICATION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA IN THE ORTHODOX MISSIONARY PUBLICISM OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Natalia V. Kartasheva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
natkartasheva@gmail.com*

Abstract: In the second half of the 19th century the Russian Empire engaged in the active process of nation-building. Essential to it was the process of Russification, or the various forms of assimilation of ethnic minorities. This term is one of the controversial and ambiguous concepts in modern historical, social and cultural research. The article suggests a constructive approach to this issue which implies situational analysis of the process of Russification through specifying the conditions and actors of intercultural interaction. The article examines the understanding of Russification as an aspect of the process of Christianization, expressed by several prominent representatives of the Transbaikal and Altai missions. It focuses on the opinion of a Transbaikal missionary Veniamin (Blagonravov), who considered Russification a necessary condition for the success of preaching Christianity. Unlike in the western borderlands of the empire, where Russification took a distinct political and legal turn, in most cases in Siberia it occurred as a spontaneous process carried out through the interaction of the indigenous population with various social groups of the Russian people (artisans, government officials, exiles). Missionaries were among the most significant agents and mediators of the Russian language and culture in the region. At the same time, the conditions of interaction between missionaries and the indigenous population varied in different Siberian regions. The article reveals the differences in the understanding of the need for Russification in the process of Christianization of the local population by the missionaries and highlights the factors influencing the interpretation of the tasks and methods of missionary activity, in particular, the specifics of the local cultural situation, the degree of social organization of the indigenous peoples and the peculiarities of their traditional beliefs.

Key words: Russification; Orthodox mission; Russian Empire; nation-building; Benjamin (Blagonravov)

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Kartasheva N.V. (2022) Russification of the Indigenous Peoples of Siberia in the Orthodox Missionary Publicism of the Second Half of the 19th Cen-

Проблема взаимоотношений народов, населявших Российскую империю, — одна из наиболее значимых в изучении истории и современного состояния российского общества. В наши дни российские и зарубежные ученые рассматривают ее в контекстах национального строительства, межкультурного взаимодействия, имперской культурной экспансии, колониализма и др. Термин «русификация» часто встречается в этих исследованиях, однако, применяется порой к совершенно различным явлениям. Если в недавнем прошлом этот термин означал исключительно государственную политику империи, «направленную на тотальную денационализацию и ассимиляцию всех населявших империю этнических групп» [Миллер, 2002: 134], то сегодня можно встретить абсолютно различные, порой противоположные интерпретации этого понятия, трактующие русификацию как естественный результат культурного взаимодействия; как насильственное насаждение властями языка и культуры; как добровольную смену идентичности через изучение языка, принятие крещения и/или жизненного уклада русских; как перевод на русский язык делопроизводства и т.д. Русификация предстает и как деятельность центра по отношению к окраинам, и как объективно происходящий в пространстве империи процесс культурной унификации. Общая размытость и нечеткость термина усугубляется наличием целого ряда родственных понятий, также лишенных закрепленной и общепринятой интерпретации: ассимиляция, аккультурация, инкорпорация, обрусение, слияние, цивилизация, христианизация и проч.

Известный американский исследователь Роберт Джераси в работе «Окно на Восток», рассматривая межэтнические процессы, происходившие в Казани и Поволжско-Уральском крае, говорит о необыкновенном разнообразии понимания российским обществом процесса русификации. Он представляет этот разброс мнений как некий континуум, на одном полюсе которого расположена модель однородной нации-государства, т.е. нации, которая стремится к полной интеграции всех мелких народов, сделав их неотличимыми от русских, а на другом полюсе — абсолютно ненациональная, мультикультурная империя, которая никоим образом не стремится изменить идентичность своих подданных [Джераси, 2013: 26]. Обширный спектр суждений о задачах русификации, промежуточных между двумя крайностями, приводит к выводу о неоднозначности

этого термина, об отсутствии четкого понимания того, что за процесс имеется в виду, причем эта смысловая неопределенность и размытость присуща как дореволюционным спорам, так и современным исследованиям [Крот, Дмитриева, 2018].

Один из наиболее компетентных в современных исследованиях империи историк Алексей Миллер в качестве выхода предложил ситуативный подход к изучению русификации. В его основе — понимание русификации как конкретных процессов, форм социального взаимодействия, для понимания которых «следует выявить всех вовлеченных в это взаимодействие акторов, понять логику (в том числе субъективную мотивацию) их поведения, учесть особенности обстоятельств, в которых это взаимодействие происходит» [Миллер, 2012: 136]. Разнообразие участников и ситуаций, в которых происходил процесс, называемый «русификация», представляет собой, по замечанию А. Миллера, «нескончаемое поле вариантов». Таким образом, в стремлении точнее определить содержание понятия «русификация» мы приходим к необходимости изучать русификации как различные социокультурные процессы, происходившие в разное время в различных частях империи с разным составом действующих лиц. В нашей статье мы хотели бы обозначить вопрос русификации коренных народов восточной Сибири так, как его понимали участники процесса — сибирские миссионеры.

В отличие от западных окраин Российской империи (Прибалтики, Финляндии, Польши, Молдавии), в которых русификация была частью государственной политики [Долбилов, 2010, Земскова, 2002], облекалась в конкретные правовые документы и решения местных и центральных властей, в Сибири русификация имела более стихийный, неупорядоченный характер. Ее проводниками были представители разных социальных групп русского населения — крестьяне-переселенцы, чиновники, промысловики, торговые люди, ссыльные. Особое место среди них занимают священнослужители-миссионеры, главной задачей которых была христианизация, а русификация понималась ими как неизбежное, желательное или нежелательное следствие обращения в православие [Софронов, 2007].

Одним из источников изучения миссионерских взглядов на русификацию народов Сибири является миссионерская публицистика. Пореформенный период в истории России характеризуется активизацией издательского дела и значительным ростом периодических изданий, как столичных, так и региональных. Не была исключением и церковная пресса [Рункевич, 1901]. Например, после 1860 г. в 63 епархиях Русской Православной церкви появились свои периодические

издания, в частности, епархиальные ведомости. В Сибири это Томские, Тобольские, Забайкальские, Иркутские, Омские, Камчатские, Благовещенские, Якутские и Енисейские епархиальные ведомости.

Во второй половине XIX в. в церковной и в светской периодике, а также в отдельных изданиях, публиковалось значительное число миссионерских сочинений — выдержки из писем и дневников, духовные поучения, путевые и этнографические заметки. В них авторы часто затрагивали культурные аспекты своего служения, в том числе рассуждали о соотношении процессов христианизации и обрусения. Так, архиепископ Иркутский и Нерчинский Вениамин, один из активных деятелей русского православного миссионерства второй половины XIX в., решительно высказывался за необходимость предваряющей крещение русификации бурятского населения. Именно Вениамину принадлежит чеканная формула: «миссия православия... есть миссия обрусения»¹. Остановимся подробнее на его взглядах.

Вениамин (Благодрагов) был человеком хорошо образованным и деятельным и оставил по себе значительное творческое наследие. Это записки, письма, поучения, этнографические заметки, посвященные народам Восточной Сибири — гольдам, гилякам, корейцам, чукчам. Большой исторической ценностью являются отчеты епископа и, позднее, архиепископа Вениамина о деятельности сибирских миссий (Забайкальской, Амурской, Камчатской), которые были опубликованы в прессе — в «Иркутских Епархиальных Ведомостях», «Записках Миссионерского общества», «Страннике», «Православном обозрении» и многих других изданиях.

Особое место в творческом наследии архиепископа Вениамина Благодрагова занимают тексты, посвященные критическому анализу религиозной ситуации в Забайкалье и тем обстоятельствам, которые в значительной мере затрудняли православную миссионерскую деятельность в этом регионе. Вениамин твердо придерживался мысли, что церковь в деле распространения христианства должна действовать в союзе с государственной властью. По мнению архиерея, в успехе миссии должны быть в равной степени заинтересованы обе силы — церковь и государство. Кроме того, он считал невозможным обращение в православие без перемены жизненного уклада инородцев, без их отказа от своего этнического мировоззрения, своего языка и, в конечном счете, от своей идентичности.

¹ Вениамин, архиеп. Иркутский и Нерчинский. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб., 1885. С. 8.

Иначе говоря, успешная миссия для него — это миссия, результатом которой в равной степени будут христианизация и русификация. По-видимому, в его понимании не существовало разрыва между религиозным и культурным содержанием миссии. И так же, как у русского народа русскость и православие, т.е. этническая и религиозная идентичность неразделимы, так и для буряты или другого автохтонного жителя Сибири невозможно соединить исповедание христианства и сохранение своей этнической идентичности, прежде всего хозяйственно-бытового и семейного уклада, но и языка тоже. По мысли Вениамина, как для язычника необходимым уделом является кочевая жизнь, так оседлая жизнь есть почти необходимая принадлежность всякого христианина².

Подчеркну, что при всех отрицательных коннотациях термина «русификация», в понимании Вениамина это не было чем-то насильственным, навязанным, требующим запретов, ограничений и принуждений. Для него абсолютно очевидным было культурное превосходство русского быта и русского мировоззрения. Более того, он настаивал, что и многие так называемые инородцы это прекрасно понимают. «Православие, — пишет он, — должно убеждать инородцев в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими. Эта перемена в их глазах есть такое условие, без которого нельзя быть настоящим христианином»³. Владыка в своих публикациях часто приводит высказывания инородцев, типа «Я бы крестился, да у меня нет избы, а русскому в юрте жить грех»⁴.

Владыка Вениамин всегда прямо и открыто высказывал свои взгляды. Так, при учреждении миссионерских школ в Забайкалье он выступил противником преподавания в них на местных языках, настаивая на русскоязычном обучении представителей коренных народов. Нужно заметить, что русификаторское понимание архиепископом Вениамином содержания миссионерской деятельности было настолько радикально отлично от передовых миссионерских идей того времени, что у него было множество оппонентов, обвинявших его в ретроградстве и превратном понимании сути миссионерства. Так, знаменитый педагог, переводчик, просветитель на-

² Вениамин (Благоправов). Забайкальская духовная миссия 1862 и 1863 гг. (Письма из Посольского монастыря) // Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 1. Иркутск, 1883. С. 54.

³ Вениамин (Благоправов). Обязанности русского государства по обращению раскольников и иноверцев к Православной Русской Церкви. Иркутск, 1882. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

родов Поволжья Николай Иванович Ильминский⁵ высказывал серьезные сомнения в понимании сибирским миссионером даже самых основных принципов миссионерской работы [Джераси, 2001: 99].

Однако обвинения в ретроградстве, которые неоднократно слышал в свой адрес владыка, нам представляются не совсем верными — его идеи вполне соответствуют актуальному в те годы националистическому дискурсу. Всяческое поощрение этнической уникальности, согласно его убеждениям, неизбежно приведет к росту сепаратизма и вместо братьев во Христе русское правительство получит враждебный народ, связанный духовным родством с зарубежными странами: в данном случае — с Китаем, Монголией, в случае с тюркскими народами Поволжья — с Турцией.

Таким образом, Вениамин Благодравов мыслит как государственный деятель и рассматривает миссию в контексте актуальных исторических процессов, не разделяя церковное и государственное начала. При этом он, конечно, вопреки обвинению Ильминского, видит и глубокое богословское содержание миссии, и духовный характер самого религиозного чувства. Однако анализ региональной ситуации приводит его к выводу о невозможности возложить дело миссии только на церковь. Придав православию характер государственной религии, государство придало ему несвойственные функции гражданского статуса, и принятие веры неизбежно влечет за собой изменение гражданского состояния, но церковь не может самостоятельно регулировать этот вопрос, следовательно, без участия государства не обойтись. Как только инородец принимал крещение, его социальный статус менялся, он становился изгоем в своем роде, что для человека коллективистского сознания невероятно тяжелое наказание. Например, бурят, став православным, обрекает себя на многочисленные трудности: отсутствие поддержки семьи, лишение устойчивого социального статуса, а то и прямые гонения, и физическое насилие. По свидетельству миссионеров, отчаянное положение новокрещенных доводило их, порой, до самоубийства. В одном из писем владыка горестно признает: «Крещеный бурят среди не-

⁵ Николай Иванович Ильминский, отстаивая необходимость переводов церковных текстов на языки народов Российской империи, писал в одном из писем обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву «...Надо убеждать инородца, что он и при своем образе жизни может быть христианином: что и в юрте живя, и нося свою национальную одежду, и занимаясь охотой и рыболовством, он может жить по-христиански, по-Божески» (Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву (1882–1891). Казань, 1898. С. 195).

крещеных есть всегдашний исповедник, если не мученик»⁶. Выходом из сложившегося положения, по мнению Вениамина, должно стать преодоление культурной отчужденности бурятского населения путем христианского просвещения и соединение «всех племен страны Сибирской в один великий русский народ»⁷.

Мы подробно остановились на взглядах еп. Вениамина, потому что он в своих трудах аргументировано и достаточно развернуто изложил идеологическое понимание миссии как составной части государственного нациестроительства, достаточно широко распространенное во второй половине XIX в. в русском обществе. Однако, такая точка зрения разделялась далеко не всеми сибирскими миссионерами. Гораздо чаще в их публицистике встречается понимание русификации не как политического феномена, а как необходимого культурно-просветительского компонента миссионерской деятельности. Например, для читинского миссионера Епифания Кузнецова задачи «ввести забайкальских инородцев в лоно Церкви Христовой» и «приобщить их к современной европейской культуре» являются равно положенными, и «восприятие спасительного Христова учения» неразрывно с восприятием «общечеловеческой высшей культуры»⁸. В своих дальнейших рассуждениях миссионер уточняет, что под «общечеловеческой» он подразумевает цивилизацию общеевропейскую, отличную от исторического развития «монгольских народов». Таким образом в понимании о. Епифания христианизация не только благотворно влияет на повседневный быт бурят, приближая его к русской культуре, но и посредством русификации приобщает этот «монгольский народ» к достижениям западноевропейской цивилизации.

Несколько иную интерпретацию соотношения христианизации и русификации в процессе миссионерской деятельности мы встречаем у алтайского миссионера епископа Владимира (Петрова). В отличие от своего одноклассника и друга забайкальского епископа Вениамина, Владимир всегда настаивал на переводах богослужения на языки коренных народов и считал важным объяснить инородцам, что «хри-

⁶ Письма Вениамина, архиепископа Иркутского, к Казанскому архиепископу Владимиру. М., 1913. С. 12.

⁷ Речь Его Императорскому Величеству Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу по вступлении Его в Иркутский Кафедральный собор // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1891. № 26. С. 4.

⁸ Кузнецов Е., свящ. Характеристика бурят с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры // Забайкальские епархиальные ведомости. 1904. № 22–23. С. 311–312.

стианская вера не есть только русская вера, но вера вселенская, в которой каждому можно славить и просить Бога на своем языке»⁹.

Алтайская миссия (в том числе под руководством Владимира (Петрова)) вела активную работу по улучшению условий быта местного населения, что подразумевало распространение русского хозяйственного уклада, обучение русскому земледелию, ремеслам, гигиеническим навыкам и правилам ведения домашнего хозяйства. Но усилия по улучшению быта рассматривались миссионерами не как необходимое условие обращения в православие, а исключительно как дело христианского милосердия. Архимандрит Владимир (Петров) подчеркивал, что неправильно сводить всю миссионерскую работу к помощи новокрещенным в переходе к русскому образу жизни, «будто бы вся цель миссии в устройстве оседлости, а в оседлости верх совершенства жизни человеческой»¹⁰. Описывая случаи искреннего и глубоко обращения представителей местных народов, Владимир особо подчеркивает, «возражая ультра-руссофилам», что такое полноценное религиозное развитие возможно только благодаря знакомству с вероучением на родном, понятном языке. В Записках начальника миссии Владимир пишет, что с самого начала своего миссионерского служения на Алтае, «сам совершал литургию и часть всенощного бдения на алтайском языке и старался поддерживать и усиливать это в станах миссии; приучал причетников и учеников к чтению и пению на этом языке»¹¹.

Не исключая возможного обрусения алтайских народов в будущем, понимая благотворность русификации их быта в настоящем, он не обесценивает культурное своеобразие миропонимания алтайцев и основную форму его выражения — местные языки. Неоднократно наблюдая за тем, как происходит «перенастройка» внутреннего мира инородца, искренне принимающего новую христианскую веру¹², Владимир убедился, что именно родной язык является тем инструментом, который позволяет новокрещенному не только лучше понять основы вероучения, но и осмыслить переживаемый религиозный опыт как органичный процесс его душевной жизни. Разумеется, этот процесс включал критическую переоценку традиционных верований. Таким образом, обрусение (русификация) об-

⁹ Алтайская Духовная миссия в 1870 году // Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. 2. М., 1872. С. 285–286.

¹⁰ Записки начальника миссии архимандрита Владимира о действиях его в 1870 году // Сборник сведений о православных миссиях ... С. 336.

¹¹ Там же. С. 323.

¹² Там же. С. 333–336.

ращаемых в православие народов в представлении Владимира (Петрова), как и других участников Алтайской миссии, не подразумевало немедленного и полного отказа от всей этнической культуры, а распространялось прежде всего на языческие верования и культуру повседневности. Как справедливо заметил американский исследователь Пол Верт, «принятие колониальным меньшинством религии большинства на деле может послужить фундаментом для развития новых идентичностей» [Верт, 2012: 94]. И основой этого процесса может стать именно сохранение родных языков. Однако именно такого рода «новые идентичности», по-видимому, и смущали Вениамина (Благонравова) как источник потенциального «сепаратизма». Действительно, создавая литературу для бесписьменных прежде народностей, миссионеры закладывали основу для формирования национальной интеллигенции, которая была убеждена в необходимости сохранения и развития родной культуры [Колесова, 2012; Пулькин, 2005]. На основании этого православная миссия парадоксальным образом оказывалась деятельностью, противоречащей идее русификации как унификации на культурно-языковой основе.

Таким образом, мы видим, что даже в пределах одного региона (Сибири) вопрос русификации по-разному понимался миссионерами. Видимо, важную роль в подобной дифференциации играли условия, в которых осуществлялась миссионерская деятельность: численность автохтонного населения, степень его социальной организации, степень и форма институционализации традиционных верований, наличие письменности у местных народов, даже климатические условия, определявшие возможность регулярного взаимодействия миссионеров и новообращенных. Так, очевидно, что деятельность и взгляды забайкальских миссионеров, в отличие от алтайских, были в какой-то степени обусловлены необходимостью противостояния сильному влиянию на бурятское население монгольского ламаизма. Важной особенностью развития православной миссии во второй половине XIX в. стала возможность обсуждать миссионерские вопросы, в том числе и понимание процессов русификации, не только в частной и служебной переписке, но и в поле общественного мнения — в публицистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.
2. *Джеграси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.

3. Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
4. Земскова Е. Круглый стол «Национализм в имперской России: идеологические модели и дискурсивные практики» // НЛО. 2002. № 57. С. 426–430.
5. Колесова Е.В. Просветительская политика казанских православных миссионеров в XIX веке // Запад-Восток. 2012. № 4–5. С. 23–32.
6. Крот М.Н., Дмитриева Н.В. Русификация — pro et contra: полемика в русской консервативной мысли конца XIX века // Былые годы. 2018. Vol. 47. Is. 1. P. 360–369.
7. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010.
8. Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148.
9. Пулькин М.В. Три облика русификации в Карелии // Вестник Евразии. 2005. № 3 (29). С. 107–125.
10. Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901.
11. Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. С. 138–144.

REFERENCES

1. Werth P. 2012. *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, non-Orthodoxy, heterodoxy: Sketches on the history of religious diversity in the Russian empire]. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie”. (In Russ.)
2. Geraci R.P. 2013. *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia]. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie”. (In Russ.)
3. Dolbilov M.D. 2010. *Russkii kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian country, foreign faith: The ethno-confessional politics of empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie”. (In Russ.)
4. Zemskova E. 2002. *Kruglyi stol “Natsionalizm v imperskoi Rossii: ideologicheskie modeli i diskursivnye praktiki”* [Round Table “Nationalism in Imperial Russia: Ideological Models and Discourse Practices”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 57, pp. 426–430. (In Russ.)
5. Kolesova E.V. 2012. *Prosvetitel'skaya politika kazanskikh pravoslavnykh missionerov v XIX veke* [Educational policy of Kazan Orthodox missionaries in the XIX century]. *Zapad-Vostok*, no. 4–5, pp. 23–32. (In Russ.)
6. Krot M.N., Dmitrieva N.V. 2018. *Rusifikatsiya — pro et contra: polemika v russkoi konservativnoi mysli kontsa XIX veka* [Russification — Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century]. *Bylye gody*, vol. 47. Is. 1, pp. 360–369. (In Russ.)
7. Miller A. 2006. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov's Empire and Nationalism]. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie”. (In Russ.)
8. Miller A. 2002. *Rusifikatsii: klassifitsirovat' i ponyat'* [Russifications: Classified and Explained]. *Ab Imperio*, no. 2, pp. 133–148. (In Russ.)

9. Pul'kin M.V. (2005). Tri oblika rusifikatsii v Karelii [Three forms of Russification in Karelia]. *Vestnik Evrazii*, no. 3 (29), pp. 107–125. (In Russ.)
10. Runkevich S.G. 1901. *Russkaya tserkov' v XIX v.* [The Russian Church in the 19th century]. St. Petersburg. (In Russ.)
11. Sofronov V.Yu. 2007. Gosudarstvennoe zakonodatel'stvo Rossii po konfessional'nym voprosam i pravoslavnoe missiонерство v kontse XVII — nachale XX v. [Russian State Legislation on Professional Issues and Orthodox Missionary in the Late 17th and Early 20th Century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–2(56), pp. 138–144. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 11.04.2022;
approved after reviewing 12.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Карташева Наталья Валерьевна — кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; natkartasheva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Kartasheva — PhD in Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Comparative Studies in Literature and Culture Lomonosov Moscow State University; natkartasheva@gmail.com